

УДК 94

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-2/2-42-48

ИВАЗОВА Сатаней Юрьевна
аспирант, кафедра отечественной истории
и этнологии, Кабардино-Балкарский институт
гуманитарных исследований,
г. Нальчик, Россия
baron4ik5@mail.ru

Sataney Yu. IVAZOVA
Postgraduate Student, Department of National
History and Ethnology, Kabardino-Balkarian
Institute of Humanitarian Studies,
Nalchik, Russia
baron4ik5@mail.ru

КУШХОВ Хаджимурат Леонович
ассистент, кафедра теории и истории государства
и права, Институт права, экономики и финансов,
Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х.М. Бербекова,
г. Нальчик, Россия

Khadzhimurat L. KUSHKHOV
Assistant, Department of Theory and History
of State and Law, Institute of Law, Economics
and Finance, Berbekov Kabardino-Balkarian State
University,
Nalchik, Russia

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОБЫЧНОГО ПРАВА НА
ПРИМЕРЕ СИСТЕМЫ ИНСТИТУТОВ, СВЯЗАННЫХ
С НАЕЗДНИЧЕСТВОМ И АТАЛЫЧЕСТВОМ, ВО
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX в.**

**OPERATION OF CUSTOMARY LAW ON THE
EXAMPLE OF INSTITUTIONS, RELATED TO
HORSEMANSHIP AND FOSTERAGE IN THE
SECOND HALF OF 19 - EARLY 20 CENTURIES**

В статье исследуются социальная сущность наездничества и аталычества как способ воспитания во второй половине XIX - начале XX в. Отмечается, что, занимая равнозначное место в иерархии судебных органов региона, они различались по составу участников разбирательства. Исследование институтов наездничества и аталычества имеют большое значение для понимания социальных процессов, происшедших во второй половине XIX - начале XX в. Разработка функционирования обычного права на примере системы институтов, связанных с наездничеством и аталычеством, во второй половине XIX - начале XX в. имеет важное значение для понимания роли обычного права для народа как регулятора повседневной жизни. Наездничество и аталычество входили в систему основных и наиболее характерных традиционных институтов адыгов и на протяжении длительного времени играли значительную роль в жизни адыгского общества. Бесспорно, что обычай наездничества и аталычества, входивших в особую систему воинской подготовки, выполнял функцию поддержания высокой военной мобильности общества, поэтому культивировался в адыгском обществе и был освещен нормами обычного права во второй половине XIX - начале XX в.

In the article the social entity of horsemanship and fosterage as an education method in the second half of 19 - the beginning of 20 centuries are researched. It is marked that, taking the equivalent place in hierarchy of judicial authorities of the region, they differed on composition of participants of trial. A research of institutes the horsemanship and fosterage are of great importance for understanding of the social processes happening in the second half of 19 - the beginning of 20 centuries. Horsemanship and fosterage, entered in system of the mains and the most characteristic traditional institutes of Adyghe and throughout the long time played the significant role in life of the Adyghe society. It is indisputable that custom the horsemanship and fosterage entering special system of military preparation, performed function of maintenance of high military mobility of society therefore it was cultivated in the Adyghe society and it was lit with norms of common law.

Ключевые слова: наездничество, аталычество, Кабарда, абречество, княжеско-дворянское сословие, адыги, «хабзэ», «зеклуэ».

Keywords: horsemanship, fosterage, Kabarda, brigandage, princely nobility, Adyghe, "habze", "zekiue"

Во всей соционормативной культуре человечества обычаю принадлежит особая роль. Мы испытываем уважение к неписаным правилам поведения - обычаям, которые, будучи некогда установленными предшествующими поколениями, на наш взгляд, не утратили своего значения и для поколений последующих. Разумеется, сегодня не идет речь о возрождении норм, свойственных отдельным институтам обычного права. Просто важно понять и оценить значение того факта, что обычное право не просто атавизм из прошлого, а неотъемлемый компонент жизни соответствующего народа и включенных в него сообществ.

Цель данного исследования - отметить функционирование обычного права на примере системы институтов, связанных с наездничеством и аталычеством во второй половине XIX - начале XX в.

В середине 1860-х годов начальник Терской области Лорис-Меликов отмечал сохранявшуюся почву для рецидивов наездничества. В письме начальнику Кабардинского округа Нуриду он рекомендовал некоторые меры по их предотвращению: «Имея в виду склонность к шалостям и воровствам, существующую еще в молодом поколении высшего кабардинского сословия, необходимо будет воспретить на первые пять лет селиться собственникам одиночными хуторами на отведенных им участках» [6, л. 167]. О том, что обнищание многих крестьян после отмены крепостного права привело к росту воровства в Кабардинском округе, писал Н.Ф. Грабовский. По сообщению одного из старожилов, случалось, что некоторые бедняки сдавали свою землю в аренду и отправлялись на воровство. Можно предположить, что к этому же ремеслу склонялись и некоторые из бывших владельцев, лишенных реформой прежних средств к существованию.

Этнографические источники о наездничестве в пореформенный период делятся на две неравные группы. Согласно незначительной их части, в этот период наездничества уже не было. В большинстве же своем они свидетельствуют о том, что его функциональным эквивалентом во второй половине XIX в. являлось воровство скота, осуществлявшееся, как правило, за пределами Кабарды. Информаторы этнографической экспедиции КБНИИ 1972 г. характеризуют этот промысел термином *зеклуэ*. Это лишний раз говорит о том, что данное явление было рудиментом наездничества. По некоторым сведениям, во второй половине XIX в. «наездничество превратилось в воровство, оно стало специальностью, средством к существованию». Старожилы, родившиеся в конце XIX в., четко различали наездничество и воровство, утверждая: «Наездники - это не воры».

Важно отметить, что в определенной мере их по-прежнему окружал некоторый романтический ореол, поскольку на них были перенесены представления, связанные в прошлом с рыцарством и наездничеством. Проявлением особого мужества считались воровские набеги на русские поселения. Как вспоминал один из старожилов, «таких людей все село знало, но никто не мог стать против них в качестве "хашэ"» (то есть анонимных свидетелей), иначе стал бы объектом кровной мести. В 1888 г. доверенный Наурузовского общества Я. Ахохов указал на К. Наурузова «как на вора». За это, писал он в заявлении начальнику Нальчикского округа, отец его, князь Б. Наурузов, «подстрекает воров нашего селения и их родственников как на виновного в указании на воровство и эти порочные лица в настоящее время угрожают мне жестокою местью». Нередко им оказывали содействие сельские старшины.

Об аналогичной ситуации в масштабах Терской области писал Я. Абрамов: «Случается, что они [старшины] состоят членами воровских шаяк и безнаказанно совершают самые дерзкие грабежи». А в отдельных случаях они сами могли быть избраны односельчанами на общественные должности или пытаться влиять на выборы старшины [1, л. 233].

В связи с бытованием пережиточных форм наездничества во многом продолжала действовать традиционная установка правовой культуры, согласно которой конокрадство в отдаленных селах или за пределами Кабарды не считалось преступлением. Кражи у односельчан, напротив, считали воровством. Таких воров могли даже изгнать из общества, чаще всего применяя именно к ним позорящие наказания, которые действовали достаточно эффективно.

Узкий круг людей, промышлявших воровством, был тесной корпорацией. В ее среде действовала взаимовыручка, основанная на принципах гостеприимства и куначества. Сложилась определенная «производственная кооперация», объединявшая других конокрадов (даже из других, в том числе и русских, селений), торговцев и представителей сельской власти. Некоторые из тех, кто бывал в «наездах» за пределами Нальчикского округа, для переправки краденого использовали железнодорожный транспорт, появившийся в Терской области в последней четверти XIX в. В начале 1880-х годов в сел. Хапцева сложилось такого рода сотрудничество между писарем и местным воровским сообществом. Как установили окружные следственные органы, «служащий издавна сельским писарем в селении Хапцева, житель станицы Новоосетинской Алексей Бабичев, по уверениям одностаничников его и упорной народной молве, состоит в тесной связи с шайкою Хапцевских воров и доставляет им возможность сбывать краденое без страха посредством выдачи ложных удостоверений на принадлежность краденого» [10, д.25, т.2, л.252].

Тем не менее нельзя считать, что сельские общества относились безучастно к рецидивам «наездничества». 21 июля 1906 г. сельский сход сел. Нальчикско-Клишбиевского принял приговор, в котором, в частности, говорилось: «Всем порочным лицам составить списки и вывесить их на видных местах в сельском правлении и во всех мечетях, а на более порочных лиц, занимающихся исключительно кражами и укрывательством воров..., удалить из нашего общества и ходатайствовать о переселении их в отдаленные места Сибири...». В 1907 г. ввиду чрезвычайно развившегося конного скотокрадства представители 10 сельских обществ Малой Кабарды приняли заявление, где отмечалось: «В ноябре месяце прошлого года Его Превосходительство генерал-губернатор Терской области потребовал от населения Малой Кабарды выдачи всех вредных и порочных лиц, и все они были народным приговором точно указаны, но никого из них администрация не нашла на месте их жительства. Все они оказались в бегах и с тех пор с удвоенной энергией продолжают заниматься воровством и грабежами. Положение нашего хозяйства делается критическим, никто из нас не может держать лошадей и от деятельности наших абреков стонет Большая Кабарда, на которую они теперь обратились и ей грозит уничтожение ее коневодства. Мы просим <...> назначить 15-ти дневной срок для явки всех беглецов абреков к начальству добровольно, по прошествии же этого срока арестовать немедленно всех ближайших родственников не явившихся абреков и держать их до появления их. Все они поименно известны администрации и мера эта приведет к цели...» [там же, л.103-103 об.].

В начале 1908 г. в Моздоке начальник Терской области созвал съезд местных землевладельцев «для выработки мер по охране их от разбоев». Для борьбы с абречеством в кабардинских и балкарских селениях были созданы «летучие команды» численностью 8-10 человек. Они были расквартированы по населенным пунктам на содержании крестьян и обеспечивали безопасность не только от конокрадов, но и крестьянских волнений [5, л.383].

Таким образом, традиции наездничества в пореформенные годы существенно трансформировались. Явление, сохранившее прежнее название, стало хорошо организованным воровством, эффективно бороться с которым не удавалось ни окружным, ни тем более сельским властям. Его социальной базой были не только

дворяне, но и представители крестьянства, видевшие в этом занятии основное средство обеспечения собственного достатка. Но кабардинское наездничество второй половины XIX - начала XX в. следует отличать от абречества, ставшего на Северном Кавказе, особенно в Чечне и Дагестане, новой формой организованной преступности. Хотя между явлениями очевидны некоторые параллели, источники свидетельствуют: те, кто совершал воровство скота и лошадей за пределами Кабарды, не порывали со своим обществом, не выдвигали политических и религиозных обоснований своим действиям, не занимались грабежом вообще и имели достаточно криминальную специализацию [8, л.142-143].

До конца XIX - начала XX в. у кабардинцев существовал и другой чай - аталычество, происхождение которого уходит вглубь веков. Институт аталычества возник как форма установления искусственного родства. Суть его заключалась в следующем: кабардинские князья отдавали своих сыновей и дочерей на воспитание семьям, стоящим ниже их по сословному статусу. В качестве аталыка выбирался человек, имеющий хорошую репутацию, хорошо знавший народные традиции и военное дело [3, л.154-155].

Аталык брал ребенка на воспитание вскоре после его рождения. Он обязан был научить его всему, что должен был знать кабардинский мужчина. У аталыка он обучался мастерству верховой езды, владению всеми видами оружия и набегам. Кроме того, проходил «полный курс» обучения адыгэ хабзэ. Усвоению адыгского этикета придавалось очень важное значение [4, с. 46].

Аталыки обязаны были научить воспитанников безропотно переносить тяготы работы, противостоять опасности, быть учтивыми и обходительными со старшими и соблюдать свой статус перед младшими. Аталыки неустанно занимались физическим воспитанием, закаливанием и брали своих подопечных в путешествия, расширяя их кругозор и давая возможность молодым людям найти новых знакомых и друзей. Помимо этого, аталыки знакомили воспитанников с произведениями народного творчества. Обучали искусству и танцам. Еще с пеленок, с колыбельных песен воспитывали нравственность и патриотизм. Воспитанник оставался у аталыка до совершеннолетия [2, л. 26].

За все время родители навещали его два-три раза. После возвращения домой ребенка его аталык пользовался в его семье всеми правами кровного родственника.

Вместе с тем следует отметить, что аталычество служило одним из факторов сохранения сословной иерархии. Оно также способствовало формированию новых и закреплению уже существующих социальных связей, по-прежнему ориентированных на традиции, частичное соблюдение традиционной сословной субординации, но главным образом уже в рамках сельско-общинной организации. В свое время Хан-Гирей отметил, что через аталычество «не только семейство воспитателя поступает в тесную взаимосвязь с семейством воспитанника, но даже все родственники первого и их подвластные поступают под защиту воспитанника». На наш взгляд, наверное, покровительство все-таки оставалось определяющим фактором в принятии на воспитание детей из влиятельных фамилий. Но в рассматриваемый период существовала и другая тенденция, которая заключается в том, что многие привилегированные односельчане чуть ли не обязывали крестьян заниматься воспитанием своих детей. Думается, здесь сыграло свою роль и

стремление кабардинской знати в максимально возможной мере соблюдать традиционные формы социализации своих детей. Конечно, их уже не готовили для участия в многодневных набегах, но все же такие атрибуты, как умение владеть лошастью, знание обычаев, этикета и т.п., по-прежнему входило в «программу» воспитания отпрысков кабардинской знати.

Однако нельзя думать, что аталычество во второй половине XIX - начале XX в. стало исключительно способом воспитания и полностью утратило свою вторую функцию. Конечно, она не могла существовать в прежнем виде в силу необратимости упадка традиционных феодальных отношений. Но в пореформенные годы, когда кабардинская деревня переходила с вотчинного на общинный уклад, аталычество сыграло роль интегрирующего механизма в формировании новой сельской общности, отчасти основанной на традициях прежних межсословных отношений, но скрепленных во многом уже новыми социальными связями [9, с. 78].

Важно подчеркнуть, что большинство материалов свидетельствуют, что в этот период аталычество охватывало жителей одного населенного пункта. Из рассмотренных источников становится ясным, что и вторая функция традиционного аталычества продолжала действовать, но уже в измененном виде, который в сравнении с прежним аталычеством являлся новацией. С этими оговорками можно согласиться с М.О. Косвеню в том, что аталычество «весьма строго соблюдалось в княжеской и дворянской среде» в форме обновленной традиции воспитания детей из знатных фамилий крестьянскими семьями. Как утверждают некоторые исследователи, в рассматриваемый период этот институт уже не являлся традиционным аталычеством. Но в силу инерции кабардинцы продолжали называть его прежним понятием. И если как способ воспитания оно сохраняло многие традиционные элементы, то как средство установления межличностных связей оно утрачивает большинство традиционных механизмов солидаризации господствующего класса и становится на путь адаптации к условиям трансформирующегося общественного быта.

Аталычество сыграло важную роль в укреплении связей между семьей воспитателя и воспитанника, также в установлении и укреплении связей между различными сословно-классовыми категориями. Говоря о роли аталычества в системе воспитания у адыгов, следует еще раз подчеркнуть, что в XIX - начале XX в. оно было распространено главным образом в княжеско-дворянской среде и играло определенную роль в общественной и политической жизни княжеско-дворянского сословия. Впоследствии, безусловно, оно было одной из форм социальных связей между классом имущих и зависимых сословий. Основная же цель аталычества, на наш взгляд, это все-таки укрепление князьями своей власти и своего влияния среди народа. Кроме того, путем аталычества кабардинцы также устанавливали дружеские отношения с другими народами Северного Кавказа: балкарцами, карачаевцами, осетинами и другими нациями [7, л. 176-177].

Итак, нами были рассмотрены такие важные институты общественного быта кабардинцев, как наездничество и аталычество.

Обычаи наездничества и аталычества, входящие в особую систему воинской подготовки, выполняли функцию поддержания высокой военной мобильности общества. Поэтому они культивировались в адыгском обществе и были освещены нормами обычного права. Как любое историческое явление, наездничество и аталычество несли в себе положительные и отрицательные начала.

С одной стороны, система воспитания в этом духе сковывала ум, препятствовала развитию общественного сознания, задерживала темпы и экономического развития общества. Но, с другой стороны, она воспитывала в черкесах такие качества, как воинственность, мужество, владение в совершенстве воинскими навыками, умение переносить невзгоды и другие, помогавшие им в течение столетий отстаивать свою независимость.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Абрамов Я. Кавказские горцы // Из истории русско-кавказской войны (документы и материалы). - Нальчик, 1991.
2. Альборова Л.И. Адыгская этика и первичная социализация в традиционной системе воспитания. - Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2002.
3. Бейтуганов А.З. Обычное право кабардинцев / Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. - Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС, 1999.
4. Думанов Х.М. Якуб Шарданов. Из истории изучения обычного права кабардинцев. - Нальчик: Эльбрус, 1988.
5. История Кабардино-Балкарской АССР. Т.1. - М., 1967.
6. Крестьянская реформа в Кабарде. Документы по истории освобождения зависимых сословий в Кабарде. 1867. / Под ред. Г.А. Кокиева. - Нальчик, 1947.
7. Культура и быт адыгов. Этнографическое исследование. Выпуск VIII. - Майкоп, 1991.
8. Кушхов Х.С. Общественный быт кабардинцев во второй половине XIX - начале XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. - Нальчик, 2004.
9. Общественный быт адыгов и балкарцев. - Нальчик: Госкомиздат КБАССР, 1986.
10. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики (ЦГА КБР). Ф 6. Оп.1.

REFERENCES

1. Abramov Ya. Iz istorii russko-kavkazskoy voyni (dokumenti i materialy). The Caucasian mountaineers. From history of the Russian-Caucasian war (documents and materials)] Nalchik, 1991.
2. Alborova L.I. Adigskaya etika i pervichnaya socializaciya v tradicionnoi sisteme vospitaniya. [The Adyghe ethics and primary socialization in a traditional educational system.]. Nalchik: Poligraf-service and T, 2002.
3. Beytuganov A.Z. Obichnoe pravo kabardincev. Obichnoe pravo v Rossii: problemi teorii, istorii i praktiki. [Common law of Kabardians. Common law in Russia: problems of the theory, history and practice]. Rostov-on-Don: Publishing House of SKAGS, 1999.
4. Dumanov H.M. Yaqub Shardanov. Iz istorii izycheniya prava kabardinctv. [From history of studying of common law of Kabardians]. Nalchik, Elbrus, 1988.
5. Istoriya Kabardino-Balkarii. [History of Kabardino-Balkarian ASSR]. T.1. Moscow, 1967.
6. Krestyanskaya reforma v Kabarde. Dokymenti iz istorii osvobojdeniya zavisimih soslovii v Kabarde. [Peasant reform in Kabarda. Documents on stories of release of dependent estates in Kabarda. 1867. Under the editorship of G.A. Kokiyevev]. Nalchik, 1947.
7. Culture and life of Adyghe. Ethnographic research. Release № VIII. [Kyltyra i bit adigov. Etnograficheskoe issledovanie. Reliz № VIII]. Maykop: 1991.
8. Kushkhov Kh. S. Public life of Kabardians in the second half of XIX - the beginning of the 20th century. Diss. ... cand. hist. sciences. [Obshestvennii bit kabardincev v konce XIX - nachale XX vekov]. Nalchik: 2004.
9. Public life of Adyghe and Balkars [Obshestvennii bit kabardincev i balkarcev]. Nalchik: Goskomizdat KBASSR, 1986.
10. Central state archive of Kabardino-Balkar Republic (TsGA KBR). F 6. Op. 1. [Centralnii gosydarstvennii arhiv Kabardino-Balkarskoi Respubliki].

Информация об авторе:

Ивазова Сатаней Юрьевна, аспирант, кафедра отечественной истории и этнологии, Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, г. Нальчик, Россия
baron4ik5@mail.ru

Кушхов Хаджимурат Леонович, ассистент, кафедра теории и истории государства и права, Институт права, экономики и финансов, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, г. Нальчик, Россия

Получена: 06.03.2017

Для цитирования: Ивазова С. Ю., Кушхов Х.Л. Функционирование обычного права на примере системы институтов, связанных с наездничеством и аталычеством, во второй половине XIX - начале XX в. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 2. Часть 2. с. 42-48.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-2/2-42-48.

Information about the author:

Sataney Yu. Ivazova, Postgraduate Student, Department of National History and Ethnology, Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Studies, Nalchik, Russia
baron4ik5@mail.ru

Khadzhimurat L. Kushkhov, Assistant, Department of Theory and History of State and Law, Institute of Law, Economics and Finance, Berbekov Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia

Received: 06.03.2017

For citation: Ivazova S.Yu., Kushkhov Kh.L., Operation of customary law on the example of institutions, related to horsemanship and fosterage in the second half of 19 - early 20 centuries. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.2. Part. 2. Pp. 42-48.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-2/2-42-48. (in Russian)